

DOI: <https://doi.org/10.36719/3005-3137/10/254-262>

Керсти Кивирюут

Тартуский университет, Нарвская Эстонская гимназия

Тарту, Эстония

<https://orcid.org/0009-0004-2942-3303>

kersti.kiviruut@gmail.com

Сравнительный анализ значимости Артура Зифельдта-Симумяги в контексте национальных движений Эстонии и Азербайджана

Резюме

Статья анализирует значение уроженца Эстонии, революционера Артура Зифельдта-Симумяги (1889–1939) в контексте национальных движений Эстонии и Азербайджана. Поскольку личность Артура Зифельдта изучена слабо, в статье рассматриваются исследовательские вызовы, связанные с его биографией, а также ключевые этапы его жизни. Жизненный путь Зифельдта соединяет историю национальных движений Эстонии и Азербайджана. Его юность прошла в условиях русифицированной среды, а рабочее происхождение и раннее знакомство с социалистическими идеями сформировали его мировоззрение. Уже в 16–17 лет он действовал в Одессе в составе союза пропагандистов, распространял запрещённую литературу и участвовал в политических дискуссиях. В 1912 году бежал от царских преследований в Германию, затем в Швейцарию, где познакомился с Александром Кескюлой и вступил в основанный им Союз эстонских социал-демократических эмигрантов. Зифельдт стал доверенным лицом и посредником Кескюлы, влияя через него на Владимира Ленина в вопросе права эстонцев на самоопределение. В 1915 году он встретился с Лениным и вступил в партию большевиков. Связь Зифельдта с эстонским национальным движением остаётся предметом дискуссий: для историков старшего поколения его большевистские взгляды выглядят противоречиво, однако представители молодого поколения, такие как Март Кулдкепп, относят его к деятелям национального движения. В эстонском контексте его роль остаётся скорее второстепенной по отношению к Кескюле: он поддерживал цели эстонской независимости через «революционную дипломатию». В 1921 году начался бакинский период жизни Зифельдта, выявивший его другую грань — интерес к культуре и науке. Он занимал руководящие должности в Бакинском народном университете и научных учреждениях Азербайджана, активно участвовал в лингвистических и этнографических исследованиях. В 1926 году был избран ответственным секретарём Первого Всесоюзного тюркологического съезда, где выступил с докладами в поддержку теорий Николая Марра о развитии языков. Несмотря на скромную академическую подготовку, благодаря энтузиазму и знанию языков Зифельдт заслужил доверие азербайджанских научных кругов.

Ключевые слова: Артур Зифельдт-Симумяги; Александр Кескюла; революционная дипломатия; большевизм; национальное движение Эстонии; национальное движение Азербайджана; Первый Всесоюзный тюркологический съезд; Николай Марр; марризм; история XX века

Kersti Kiviryuut

Tartus Universiteti, Narv Estoniya gimnaziyası

Tartu, Estoniya

<https://orcid.org/0009-0004-2942-3303>

kersti.kiviryuut@gmail.com

Artur Zifeldt-Simumyaqinin fəaliyyətinin Estoniya və Azərbaycan milli hərəkatları kontekstində əhəmiyyətinin müqayisəli təhlili

Xülasə

Məqalədə Estoniyada anadan olmuş inqilabçı Artur Zifeldt-Simumyaqının (1889–1939) Estoniya və Azərbaycan milli hərəkatları kontekstində əhəmiyyəti təhlil olunur. Artur Zifeldtin şəxsiyyəti kifayət qədər öyrənilmədiyi üçün məqalədə onun bioqrafıyası ilə bağlı tədqiqat problemləri, eləcə də həyat yolunun əsas mərhələləri araşdırılır. Zifeldtin həyat yolu Estoniya və Azərbaycan milli hərəkatlarının tarixini birləşdirir. Onun gəncliyi ruslaşdırılmış mühitdə keçmiş, fəhlə mənşəyi və sosialist ideyaları ilə erkən tanışlığı onun dünyagörüşünün formalaşmasına təsir göstərmişdir. Artıq 16–17 yaşlarında Odessada təbliğatçılar ittifaqının tərkibində fəaliyyət göstərmiş, qadağan olunmuş ədəbiyyat yaymış və siyasi müzakirələrdə iştirak etmişdir.

1912-ci ildə çar təqiblərindən qaçaraq Almaniya, daha sonra isə İsveçrəyə köçmüş, burada Aleksandr Kesküla ilə tanış olmuş və onun yaratdığı Estoniya sosial-demokrat mühacirləri ittifaqına qoşulmuşdur. Zifeldt Keskülanın etibarlı adamı və vasitəçisi kimi çıxış edərək, onun vasitəsilə Vladimir Leninə estonların öz müqəddəratını təyinetmə hüququ məsələsində təsir göstərmişdir. 1915-ci ildə Leninlə görüşmüş və bolşeviklər partiyasına daxil olmuşdur. Zifeldtin Estoniya milli hərəkatı ilə əlaqəsi mübahisəli olaraq qalır: yaşlı nəsil tarixçilər üçün onun bolşevik baxışları ziddiyyətli görünür, lakin Mart Kuldkepp kimi gənc nəsil tədqiqatçıları onu milli hərəkat xadimləri sırasına aid edirlər. Estoniya kontekstində onun rolu Kesküla ilə müqayisədə daha çox ikinci dərəcəli olmuşdur: o, Estoniya müstəqilliyi məqsədlərini “inqilabi diplomatiya” yolu ilə dəstəkləmişdir. 1921-ci ildə Zifeldtin həyatında Bakı dövrü başlamış və onun şəxsiyyətinin başqa bir tərəfini — mədəniyyətə və elmə marağını üzə çıxarmışdır. O, Bakı Xalq Universitetində və Azərbaycanın elmi müəssisələrində rəhbər vəzifələr tutmuş, dilçilik və etnoqrafiya sahəsində tədqiqatlarda fəal iştirak etmişdir. 1926-cı ildə Birinci Ümumittifaq Türkoloji Qurultayının məsul katibi seçilmiş, burada dillərin inkişafı ilə bağlı Nikolay Marrın nəzəriyyələrini dəstəkləyən məruzələrlə çıxış etmişdir. Akademik hazırlığının məhdud olmasına baxmayaraq, böyük həvəsi və dilləri bilməsi sayəsində Zifeldt Azərbaycan elmi dairələrinin etimadını qazanmışdır.

Açar sözlər: Artur Zifeldt-Simumyaqı; Aleksandr Kesküla; inqilabi diplomatiya; bolşevizm; Estoniya milli hərəkatı; Azərbaycan milli hərəkatı; Birinci Ümumittifaq Türkoloji Qurultayı; Nikolay Marr; marrizm; XX əsr tarixi

Kersti Kiviryuut

University of Tartu Narva Estonian Upper Secondary School

Tartu, Estonia

<https://orcid.org/0009-0004-2942-3303>

kersti.kiviryuut@gmail.com

A Comparative Analysis of the Significance of Artur Zifeldt-Simumägi in the Context of the National Movements of Estonia and Azerbaijan

Abstract

The article analyzes the significance of Estonian-born revolutionary Arthur Siefeldt-Simumägi (1889–1939) in the context of the national movements of Estonia and Azerbaijan. Since Arthur Siefeldt's life and work have been little studied, the article explores the research challenges associated with his biography and highlights key stages of his life. Siefeldt's life story links the histories of the Estonian and Azerbaijani national movements. His youth was spent in a russified environment, and his working-class background and early exposure to socialist ideas shaped his worldview. By the age

of 16–17, he was active in Odessa as a member of the Union of Propagandists, disseminating prohibited literature and taking part in political debates. In 1912, he fled Tsarist persecution to Germany and later Switzerland, where he met Aleksander Kesküla and joined the Estonian Social-Democratic Union of Emigrants founded by him. Siefeldt became Kesküla's confidant and financial intermediary, indirectly influencing Vladimir Lenin on the issue of Estonian self-determination. In 1915, he met Lenin personally and joined the Bolshevik Party. Siefeldt's connection to the Estonian national movement remains debated: for the older generation of historians, his Bolshevik views appear controversial, whereas younger scholars, such as Mart Kuldkepp, consider him part of the national movement. In the Estonian context, his role is largely secondary to Kesküla's: he supported Estonia's independence goals through "revolutionary diplomacy." In 1921, Siefeldt's Baku period began, revealing another side of him — his interest in culture and science. He held leadership positions at the Baku People's University and in Azerbaijani research institutions, actively participating in linguistic and ethnographic studies. In 1926, he was elected Executive Secretary of the First All-Union Turkology Congress, where he delivered papers supporting Nikolai Marr's theories of language development. Despite his modest academic background, Siefeldt earned the trust of Azerbaijani scholarly circles thanks to his enthusiasm and linguistic competence.

Keywords: *Arthur Siefeldt-Simumägi; Aleksander Kesküla; revolutionary diplomacy; Bolshevism; Estonian national movement; First All-Union Turkology Congress; Turkology Congress; Nikolai Marr; Marrism; 20th-century history*

Введение

В 2026 году исполняется 100 лет со дня проведения Первого Всесоюзного тюркологического съезда. Целью этого масштабного мероприятия было осмысление языковой и культурной идентичности тюркских народов, проживавших на территории бывшей Российской империи, а также принятие решающих шагов к использованию их языков в качестве современного научного языка. В работе съезда участвовал и эстонец Артур Зифельдт-Симумяги. Настоящая статья посвящена анализу биографии Зифельдта, исследовательских проблем, связанных с изучением его личности, и, что особенно важно, его значению как для эстонского, так и для азербайджанского национального движения.

Исследование

Артур Зифельдт-Симумяги (1889, Ревель, Эстляндская губерния – 6 декабря 1939, Колыма, Россия) начал бакинский этап своей жизни в 1921 году. Хотя на тот момент Зифельдт был чуть старше тридцати, за его плечами уже стоял богатый опыт «революционного дипломата». Встречается также латинское написание фамилии *Zifeldt* или *Ziefeldt*, что отражает варианты формы транслитерации и употребляется в некоторых западноевропейских источниках.

В данном исследовании термин «революционный дипломат» применяется к лицам, вовлечённым в социал-демократическое движение России, в его большевистское крыло, для которых главной целью являлось достижение наилучших условий для суверенного самоопределения национальных меньшинств. В историографии Эстонии деятельность большевиков, а впоследствии и советской власти, традиционно окрашена негативным подтекстом – и по вполне понятным причинам. С ноября 1918 по январь 1919 года на территории Восточной Эстонии власть захватил марионеточный режим Советской России – Эстонская трудовая коммуна, чей террористический режим казнил без суда и следствия сотни гражданских лиц (Юрман, 2021, с.183). В декабре 1924 года эстонское отделение Коминтерна предприняло в Таллине неудачную попытку государственного переворота, приведшую к десяткам жертв как со стороны защитников эстонской государственности, так и среди самих путчистов. Наиболее мрачную тень на эстонскую историческую память наложила советская оккупация, начавшаяся летом 1940 года, которая, прерванная кратковременной оккупацией нацистской Германией, продолжалась с августа 1945 до августа 1991 года.

Учитывая описанный контекст, несколько парадоксально связывать деятельность Зифельдта с эстонским национальным движением, принимая во внимание его связь с большевистским крылом российской социал-демократии и, в особенности, с её лидером Владимиром Ульяновым (Лениным). Национально-романтическое рвение и пыл Зифельдта-Симумяги раскрываются именно через его годы, проведённые в Азербайджане, включая его важный вклад в Первый Всесоюзный тюркологический съезд 1926 года. Зифельдт оказался в фокусе эстонской историографии лишь в 1960 году, когда исследователь колледжа Сэнт-Энтони Оксфордского университета Майкл Футрелл упомянул фигуру Александра Кескюла. Именно Александр Кескюла (12 марта 1882, приход Саадъярве, Лифляндская губерния – 17 июня 1963, Мадрид, Испания) поручил Артуру Зифельдту повлиять на Ленина, чтобы тот согласился на вывод эстонских этнических территорий из-под власти Российской империи. Будучи ещё живым, Кескюла сам сообщил Майклу Футреллу, что Зифельдт был важным связующим звеном в контактах с большевиками: Кескюла снабжал его деньгами, на которые тот постепенно поддерживал большевистскую организацию; в ответ Зифельдт передавал Кескюле информацию о круге Ленина (Янсон, 2006, с.182).

И Александра Кескюлу, и Артура Зифельдта наиболее обстоятельно изучил профессор истории Тартуского университета Кайдо Янсон. Дипломатические авантюры Кескюлы исследовал также представитель более молодого поколения учёных — профессор истории Эстонии и Северных стран в Университетском колледже Лондона Март Кулдкепп. Благодаря его работам можно косвенно реконструировать и деятельность Артура Зифельдта в качестве «революционного дипломата». Упоминания о сотрудничестве Зифельдта и Кескюлы встречаются также у ряда западноевропейских историков, которые в конце 1950-х годов, после открытия архивов германского МИДа, занялись изучением эмигрантских лет Ленина: среди них Элизабет Хереш, Фриц Фишер, Альфред Эрих Сенн, Сеппо Зеттерберг, Ханс Бьёркегрэн и другие.

В 2004 году в распоряжение профессора Кайдо Янсона попали копии материалов из архива Коммунистической партии Азербайджана, полученные его коллегой Эрихом Кауфом. Среди них находилась и «Краткая автобиография» Артура Зифельдта, написанная его собственной рукой. Хотя она не датирована, описываемые события доходят до 1921 года. Сведения об этой папке достигли Эриха Кауфа благодаря личным контактам: будучи заведующим архивом Коммунистической партии Эстонии, он посетил центральный партийный архив в Москве и там познакомился с азербайджанским коллегой, рассказавшим ему о деле Зифельдта (Янсон, 2006, с.184). Эти материалы до сих пор не введены в публичный научный оборот в Эстонии, поэтому автор статьи может опираться на них лишь через исследования профессора Янсона.

Для анализа бакинского периода Зифельдта автор располагает двумя чрезвычайно ценными оцифрованными изданиями, ярко иллюстрирующими его мировоззрение. Первое – это брошюра с докладами Первого Всесоюзного тюркологического съезда. Второе – «Тюркологические этюды», изданные в 1930 году под эгидой Азербайджанского государственного научно-исследовательского института. В этой работе Зифельдт, будучи горячим сторонником лингвистических теорий Николая Марра, приводит примеры из тюркских и финно-угорских языков в качестве подтверждения марризма.

Таким образом, до бакинского периода Зифельдт-Симумяги не оставил после себя удобного для историка именного архива. Следы его деятельности носят эклектический характер и рассеяны по разным источникам. Именно поэтому автор статьи выражает глубокую благодарность профессору Кайдо Янсону, сумевшему собрать эти разрозненные сведения из опубликованных трудов Ленина, записок европейских историков, отдельных документов, разбросанных по архивам Европы, и, наконец, из полученной по личным связям в Баку автобиографии Зифельдта.

Чтобы дать оценку значимости Артура Зифельдта, необходимо начать с обзора его биографии – прежде всего его образовательного пути и идеологического становления.

К моменту рождения Зифельдта в 1889 году российский император отменил в Прибалтийских губерниях так называемый Балтийский особый порядок, позволявший сохранять немецкий язык в качестве официального языка делопроизводства, а также лютеранство – в качестве господствующего вероисповедания. Была развёрнута масштабная русификация: русский язык вводился не только как язык администрации, но и как язык обучения – от начальных школ до университетов. Наряду с немецким вытеснялось и употребление эстонского языка. Параллельно с насаждением русского языка пропагандировалось переселение на малонаселённые территории империи. Многие балтийцы воспользовались этой возможностью для поиска новой жизни и лучшей доли в южных городах империи. К их числу относился и отец Артура, Рудольф Зифельдт, переселившийся в Одессу, когда сыну было всего полтора года.

Важным представляется подчеркнуть многопоколенную рабочую среду семьи Зифельдтов. Во-первых, с учётом сельского происхождения большинства эстонцев, это было относительно редким явлением. По подсчётам исследователя ревизских сказок Эстляндской губернии Сулева Вахтре, в период с 1782 по 1858 год в Ревель переселилось около 20 000 человек, а в другие города – примерно свыше 3 000, преимущественно выходцев из крестьянской среды (Вахтре, 1973, 218), что составляло всего около 5% населения губернии. Во-вторых, к концу XIX века радикальное крыло социал-демократической идеи было широко распространено среди рабочих Российской империи – от Ревеля до Тулы. Таким образом, если предположить, что идеологический мир Зифельдта был бы иным, останься его семья в Ревеле, автор склонен считать это маловероятным: семейный контекст неизбежно толкнул бы его в радикально-левые политические круги и в Таллине.

Начальное образование Зифельдт получал в 1897–1905 годах: сначала в немецкой приходской школе Святого Павла, затем в реальном училище. В пятнадцать лет он вынужден был оставить учёбу по экономическим причинам. Судя по разрозненным сведениям, до высшего образования он так и не дошёл, а свой широкий лингвистический и культурный кругозор формировал в основном самообразованием. Именно в это время началась его политическая активность, чему способствовали и результаты революции 1905 года, легализовавшие ограниченную политическую деятельность.

Уже шестнадцати–семнадцатилетним юношей Зифельдт основал в Одессе союз пропагандистов, занимавшийся распространением социалистической литературы и агитацией среди рабочих и матросов (Янсон, 2006, 186). С этого момента, как представляется, всё его время было посвящено служению социал-демократической революционной идее: вплоть до 1912 года он вступал в различные пропагандистские кружки, распространял запрещённую литературу, читал лекции в окрестных сёлах – от тем о сотворении мира до критики религии и алкоголизма. Он участвовал и в избирательной кампании во II–III Государственные думы в одесской городской комиссии. Параллельно он восполнял пробелы в образовании: тайно слушал университетские лекции, занимался в городской публичной библиотеке, изучая лингвистику, мифологию и историю древнего Востока.

Характерным фактом этого периода является его разрыв с эсерами в 1908 году: вместе с учителем Михаилом Волковым он организовал анархо-синдикалистский профсоюз кожевников. Источников о данном этапе его жизни, кроме его собственной автобиографии, нет, но судя по дальнейшему ходу жизни, этот эпизод отражает идеалистический, даже несколько наивный характер Зифельдта. Анархо-синдикализм отвергает не только государственные силовые структуры, но и партийную борьбу, лишая отдельную личность возможности взять власть в собственные руки. Важную роль, несомненно, играла и молодость: Зифельдту было всего 18–19 лет.

Анархо-синдикализм увлекал его недолго: уже через пару лет, во время беспорядков в Одесском университете, он сблизился с большевиками – сперва как единомышленник и активист, но не член партии. По его собственным словам, к большевизму он пришёл через изучение истории. Почти извиняясь, Зифельдт отмечал, что в то время в Одессе социал-демократы ещё не разделялись строго на большевиков и меньшевиков.

По мнению профессора Яансона, описание одесских лет в автобиографии выглядит как попытка документально подтвердить раннюю революционную деятельность Зифельдта (Яансон, 2006, с.188). Какова бы ни была цель автобиографии, сомнений в его активной политической деятельности в Одессе нет. Этим объясняется его бегство от царских преследований в Германию в 1912 году, а также решение прусской полиции 1913 года выслать «политически опасного» Зифельдта из страны. После этого он перебрался в Швейцарию, где оставался до 1917 года.

В Швейцарии Зифельдт познакомился с другими эстонцами, среди которых был и уже упомянутый Александр Кескюла. Последний основал Союз эстонских социал-демократических эмигрантов, в который в разные периоды входило не более шести человек (Аренс, 1991, с.32). В этой небольшой группе Зифельдт был второй по значимости фигурой после Кескюлы. В 1915 году он встретился в Швейцарии с Лениным и официально вступил в партию большевиков.

Эти два знакомства – с Александром Кескюлой и Владимиром Лениным – связали деятельность Зифельдта с эстонским национальным движением и созданием эстонской государственности. Ни в одесский, ни в бакинский периоды его деятельность не была прямо связана с политическими делами Эстонии.

Значение Зифельдта для Эстонии, таким образом, как уже отмечалось, неразрывно связано с деятельностью Александра Кескюлы. Кескюла – одна из наиболее противоречивых фигур в эстонской историографии, вызывающая интерес как у отечественных, так и у европейских исследователей. Его описывают как амбициозного, но упрямого человека, успевшего поспорить с рядом ключевых деятелей национального движения. Конфликтный характер толкал Кескюлу к антагонизму: в то время как большинство эстонских интеллектуалов воспринимали большевизм сначала скептически, а затем и враждебно, Кескюла видел в нём возможность для осуществления идеи эстонской государственности. Он стремился к распаду Российской империи и присоединению эстонских этнических территорий, в идеале – к Шведской империи, в качестве компромисса – к Германской империи. Именно поэтому он начал дипломатические махинации между Германией и большевиками, где Артур Зифельдт стал главным посредником в передаче денег и информации. Александр Кескюла и его стремление повлиять на большевиков вдохновили эстонского кинорежиссёра и известного рок-музыканта Харди Волмера на создание в 1998 году фильма «Все мои Ленины», благодаря которому имя Александра Кескюлы стало известным в эстонской поп-культуре. Фильм представляет собой псевдоисторическую абсурдистскую комедию, в которой Александр Кескюла тренирует двойников Владимира Ульянова (Ленина), чтобы обеспечить распад Российской империи в результате большевистской революции. К сожалению, Артур Зифельдт в фильме не упоминается. Фильм доступен для бесплатного просмотра в архиве Эстонского национального вещания по адресу: <https://arhiiv.err.ee/video/vaata/minu-leninid>, а также на русском языке на платформе YouTube: <https://www.youtube.com/watch?v=oUgNDWo2GjY>.

На Первом Всесоюзном тюркологическом съезде (26 февраля – 5 марта 1926 года) Зифельдт выступил с двумя развёрнутыми докладами. Первый он представил во время дебатов третьей сессии, сопоставив сходства корней тюркских и финно-угорских языков, опираясь на яфетическую теорию языкового развития Николая Марра. Он не анализировал теорию Марра с точки зрения лингвистических школ, а противопоставлял её «устаревшим» теориям XIX века, которые, по его мнению, не давали удовлетворительных объяснений. В своём докладе

«О принципах формирования научной терминологии в тюркских языках» Зифельдт ещё более возвышал подход Марра.

Оба выступления отражали широкий кругозор Зифельдта, его многоязычие и идеологическую преданность, но также выявляли и недостаток его академической подготовки. Благодаря языковым знаниям Зифельдт приводил множество примеров из живой речи, которые, по его мнению, подтверждали справедливость марризма. Он выдвигал различные лингвистические обобщения, отмечая как вокальные гармонии, так и законы мерности в употреблении звуков в тюркских и финно-угорских языках. Некоторые его категории были наивно-эмпирическими — например, он делил тюркские и финно-угорские языки, «смешав их в компот», на «свистящие» и «шипящие» по признаку употребления смычных согласных (Общество обследования и изучения Азербайджана, 1926, с.123-124).

Слабая академическая база Зифельдта особенно заметна при сравнении с докладами таких учёных, как академик Василий Бартольд и профессор Бакинского государственного университета Бекир Чобан-заде, которые строили свои выступления на широком сравнительном анализе результатов разных исследований. Чобан-заде критиковал упрощённый подход Зифельдта, заявляя, что агглютинация и гармония гласных, на которых тот акцентировал внимание, составляют лишь одну часть лингвистики и не учитывают комплексность внешних влияний на язык, особенно богатых, например, в казахском (Общество обследования и изучения Азербайджана, 1926, с.181).

Тем не менее, нельзя недооценивать Зифельдта как исследователя-любителя. В гуманитарной науке нередко энтузиасты без глубокой академической подготовки, чьи искренние поиски истины становятся ценным материалом и для профессиональных учёных. Возможно, на его научную карьеру отрицательно повлияла идеологическая ангажированность советской научной культуры. В 1920–1930-е годы теория языкового развития Николая Марра была в СССР не только одобряемой, но и фактически официальной лингвистической доктриной, построенной на принципах материалистической диалектики (Ундуск, 2023, с.8). Марр, будучи одарённым полиглотом и талантливым рассказчиком, создавал фантастические связи между корнями разных языков, вписывая их в концепцию классовой борьбы. Одной из его наиболее известных теорий была яфетическая теория, рассматривавшая родство семито-хамитских и кавказских языков.

Сам Зифельдт признавал в своём докладе, что предпочитает марризм именно за историко-материалистический взгляд на прошлое, где развитие классовой борьбы напрямую влияло на сложность языковых форм (Общество обследования и изучения Азербайджана, 1926). Основная проблема идеологизированной науки заключается в её субъективной предвзятости: она не всегда ценит методологию, ориентированную на достоверные результаты, а предпочитает противопоставления и упрощённые объяснения — в чём Зифельдт, безусловно, был силён.

Так же, как на съезде он противопоставлял исследователей XIX века (включая присутствовавшего на съезде Николау Поппе) современным, он поступал и в своём труде «Тюркологические этюды», где вместо лингвистического анализа обосновывал правоту марризма философскими сопоставлениями с индоевропейской лингвистикой (Зифельдт-Симумяги, 1930, 2-19).

Сегодня марризм рассматривается не как научная теория, а как курьёз или даже псевдонаука. Ещё при жизни Сталина он подвергся разгромной критике: 20 июня 1950 года было опубликовано сочинение Иосифа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в котором теория Марра была отвергнута как абсолютно немарксистская (Ундуск, 2023, 12).

Несмотря на увлечённость Зифельдта марризмом, его выступления на Тюркологическом съезде нельзя считать лишь идеологической агитацией. Его примеры сходств финно-угорских и тюркских языков интересны и разнообразны. Особенно приятно эстонскому читателю увидеть там примеры из южноэстонских диалектов. То, что Зифельдт был убеждённым

социал-демократом-марксистом из рабочей семьи, не исключало его искреннего интереса к лингвистике и гуманитарным наукам. Именно эта искренняя увлечённость, вероятно, и обеспечила ему доверие азербайджанских научных кругов и стремительную карьеру.

Сравнение Зифельдта не с формальными представителями советской идеологии, а с настоящими учёными показывает, что в его трудах было немало содержательного. Например, он делил подходы к развитию тюркской терминологии на четыре группы: панаисламисты, пантюркисты, европеисты и демократы-народники. Наиболее разумным он считал последний путь, где новые термины создаются на основе уже существующего языка, включая диалекты. Его идеи развивал казахский активист Билял Сулеев, предлагавший делить подходы всего на две категории: «старомодные» и «прогрессивные» (Общество обследования и изучения Азербайджана, 1926, с.211). Даже неспециалисту ясно, что подобные заявления отражают скорее идеологическую полемику, чем научную компетентность. Тем не менее, Зифельдт приводил богатый языковой материал в поддержку своей теории.

Любопытная деталь: казахский делегат Билял Сулеев назвал Зифельдта «русским колонистом», что было явно несправедливой характеристикой. Башкирский делегат Шариф Манатов прямо на съезде опроверг это утверждение.

Если теперь сравнить значимость Зифельдта в контексте национальных движений Эстонии и Азербайджана, то на первый взгляд линии раздела очевидны: для Эстонии важны его молодые годы, особенно деятельность в качестве агента Кескюлы в Швейцарии; для Азербайджана — его научная и культурная работа на Кавказе. Однако цельная картина его личности, мотивации и устремлений складывается только при соединении обеих фаз жизни. В Зифельдте соединяются активный большевик и культурно-ориентированный исследователь-любитель, что при ближайшем рассмотрении вовсе не так противоречиво.

Зифельдт заставляет эстонскую историографию расширять понятие национального движения, включая в него и непопулярные контексты, такие как большевизм. С азербайджанской точки зрения его значимость определить проще: Зифельдт символизирует легендарное азербайджанское гостеприимство, без которого он, по мнению автора, не смог бы так успешно построить карьеру в научных институтах Советского Азербайджана. Ведь, как уже отмечалось выше, у него не было фундаментальной академической подготовки и он не был чрезмерно амбициозным идеологическим борцом.

Для Эстонии и Азербайджана Зифельдт, безусловно, является символической фигурой-посредником — по своему происхождению, по делам и по своей трагической судьбе. Как и десятки других делегатов Тюркологического съезда, он стал жертвой сталинских репрессий. В сентябре 1937 года его сняли с должности директора института. 11 февраля 1938 года он был арестован по обвинению во вредительстве и летом следующего года по особому решению НКВД приговорён к восьми годам лагерей. Зифельдт умер 6 декабря 1939 года на Колыме от тяжёлой болезни. Реабилитирован посмертно в 1956 году.

Заключение

Первый Тюркологический съезд был важной вехой в истории тюркского национального движения. К сожалению, прав оказался казах Сулеев — советская власть, в которую многие делегаты возлагали надежды как на гаранта права на самоопределение, спустя десятилетие стала орудием жестокой колониальной политики России по принципу «разделяй и властвуй». Более ста участников съезда стали жертвами сталинских репрессий. 13 октября 1937 года НКВД расстрелял выдающегося татаро-азербайджанского лингвиста Бекира Чобан-заде, а 13 февраля 1938 года — известного тюрколога Александра Самойловича. Жертвой колониальной политики стал и Билял Сулеев, расстрелянный в 1937 году.

Тюркологический съезд заслуживает не только памяти, но и возрождения. Работы, представленные на нём, достойны повторного цитирования в кругах лингвистов и культурологов. А вдохновение, пробуждённое съездом в национальном самосознании,

необходимо и сегодня тем тюркским и финно-угорским народам, которые продолжают страдать от российской колониальной политики. Артур Зифельдт-Симумяги доказал, что служение национальному движению не требует быть ни выдающимся учёным, ни передовым идеологом: достаточно открытого любопытства и искреннего стремления изменить мир к лучшему.

Хотя Эстония и Азербайджан географически разделены тысячами километров, обе страны объединяет роль культурного посредника между Востоком и Западом. Эстонцев и азербайджанцев как народы сближает многовековой опыт лавирования в условиях политики «разделяй и властвуй», проводимой российской державой. В жизненном пути и мученической смерти Артура Зифельдта-Симумяги это общее историческое наследие обоих народов находит яркое отражение.

Литература

1. Arens, O. (1991). *Aleksander Kesküla*. Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused, 28–37.
2. *Eesti Entsüklopeedia*. (б. д.). Eesti Entsüklopeedia. Источник: Siefeldt-Simumägi, Arthur.
3. Jaanson, K. (2006). *Arthur Siefeldt-Simumägi (1889–1939); ühe eestlase elu Eestimaata*. Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat / Annales Litterarum Societatis Esthonicae, 181–203.
4. Jürman, A. (2021, 5 декабря). *The White and Red Terror in the Eastern Part of Viru County in 1917–1919*. Eesti Sõjaajaloo Aastaraamat / Estonian Yearbook of Military History, 181–218.
5. Kuldkepp, M. (2014, декабрь). *Aleksander Kesküla kirjandustegelasena*. Keel ja Kirjandus, 897–910.
6. Kuldkepp, M. (2025, 25 января). *Eesti lugu. Vasakpoolsed. Aleksander Kesküla*. (P. Kriivan, интервьюер) Vikerraadio. Tallinn. Доступно по ссылке: <https://vikerraadio.err.ee/1609573841/eesti-lugu-vasakpoolsed-aleksander-keskula>
7. Undusk, J. (2023, февраль). *Stalinistlik keelediskursus. Keskkond ja pärilikkus*. Keel ja Kirjandus, 7–43.
8. Vahtre, S. (1973). *Eestimaa talurahvas hingeloenduste andmeil*. Tallinn: Eesti Raamat.
9. Зифельдт-Симумяги, А. (1930). *Тюркологические этюды*. Баку: АзГНИИ.
10. Общество обследования и изучения Азербайджана. (1926). *Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля – 5 марта 1926 г. Стенографический отчет*. Баку: Азлит.

Поступило: 23.01.25

Принято: 28.03.25